

*Е.В. Кухарева,
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России,
г. Москва*

Актуальные проблемы арабской филологии

В статье рассматривается возможность использования Арабско-русского словаря Х.К.Баранова в качестве источника арабской фразеологии и паремииологии. Не являясь ни этимологическим, ни толковым, ни фразеологическим, словарь Х.К.Баранова содержит богатейший набор арабских выражений как на современном литературном, так и на разговорном языках. При этом следует отметить, что все эти обороты не утратили своей актуальности и используются в литературных произведениях и разговорной речи. Таким образом, можно сделать вывод, что пользование словарём Х.К.Баранова помогает не только в переводческой работе, но и в проникновении в менталитет арабов и понимании их национального характера.

Ключевые слова: арабский язык, фразеология, паремеология, менталитет, национальный характер, пословицы, поговорки.

Нет нужды говорить, что специалист-международник должен владеть иностранным языком в совершенстве, чтобы понимать максимально точно нюансы иноязычной речи. Однако любой язык, и арабский не исключение, с точки зрения семантики, многослойный и разноплановый. Одна и та же лексема в разных грамматических конструкциях, в сочетании с другими словами может нести различные смыслы, часто противоположные и нередко далёкие от исходного значения. Ценность любого словаря иностранного языка состоит в том, чтобы максимально познакомить пользователя с лексикографическим материалом изучаемого или исследуемого языка. Однако до сих пор в области двуязычных арабско-русских словарей не существует такого всеобъемлю-

щего фундаментального словарного труда, который бы в равной степени охватывал бы все языковые явления от «высокого штиля» до обычной разговорной речи и в котором не игнорировалась бы важная для понимания значений арабской лексики составляющая, а именно, огласовывание лексических единиц, представленных в словаре. Попыткой создания такого словаря стал словарь Х.К. Баранова, который И. Ю. Крачковский в Предисловии к первому изданию называл лишь «первым шагом по пути создания фундаментального словаря, нужда в котором ощущается на Западе в не меньшей мере, чем у нас, и там отсутствует пособие такого объёма, как предпринятый опыт» [2, 4].

Однако целью и задачей автора не является комплексный анализ и оценка данного словарного издания. История уже оценила этот титанический труд: несмотря на большое количество появившихся в последние годы арабско-русских словарей, некоторые из которых превышают Барановский словарь по количеству лексических единиц, ни один из них по качеству работы, тщательности подбора и обработки материала не может приблизиться к труду Харлампия Карповича. Целью и задачей автора является рассмотрение одного из аспектов этого великолепного пособия. А именно, фразеологического и паремиологического богатства словаря, которое при отсутствии аутентичного материала может способствовать ознакомлению учащихся и других пользователей с этнической картиной мира, национальным характером и менталитетом арабов.

При исследовании материала словаря основное внимание уделялось пословицам, поговоркам, фразеологизмам, идиомам и некоторым другим словосочетаниям, которые содержат образное представление о той или иной реалии. Ведь если обычные лексемы с течением времени могут приобретать новые значения, то устойчивые выражения, в которых закреплены определённые ценности, представления о различных

явлениях жизни, сохраняют свою значимость на протяжении десятков, а то и сотен лет.

Взять, например, словосочетания с использованием лексемы «أب» - *аб* (отец). Кто такой отец? Это – хозяин (обладающий), источник какого-то явления. Это лицо, которому принадлежат властные полномочия. По этой причине в арабском менталитете мужское начало является превалирующим, поэтому слово «ابوان» (двойственное число от лексемы «اب»), например, если нет иных дефиниций, означает «родители», то есть отец и мать. Поэтому, когда арабы выделяют основной признак какого-то объекта, они этот объект называют «хозяином, обладателем» такого-то признака. Скажем, «ابو دقيق» (*абу дакык*) – бабочка. «Дакык» – это мука тонкого помола, пыльца. Когда мы берём в руки бабочку, то на пальцах остаётся тонкий налёт пыльцы с её крыльев. Таким образом, перед нами «объект, обладающий пылью». Вот вам первый пример наблюдательности и образности арабского мышления. Или «ابو النوم» (*абу н-нуам*) – мак. Маковый сок, отвары из стеблей и листьев мака оказывают на организм расслабляющее действие, снижают чувствительность к боли, погружают человека в забытие, в сонное состояние. Вот и возникает образ «порождающего сон, хозяина сна». Если мы продолжим серию словосочетаний с лексемой «اب», то здесь мы найдём «кусача; обладателя усов» – «ابو شوارب» (*абу шавариб*), и «бородача; обладателя бороды» - «ابو لحية» (*абу лихья*), и «хвостатую звезду» (комету) - «ابو ذنب» (*абу занаб*), «очкарика; человека в очках» - «ابو النظارة» (*абу н-наззара*) и т.д. [1, 22].

Другим примером образных словосочетаний являются обороты, в которых также используются слова, обозначающие членов семьи. Это выражения со словом «أم» – *умм* (мать). Однако в словаре Баранова даются и другие значения этого слова – «основа»; «первоисточник»;

«главная часть». Отсюда становятся понятными такие обороты, как «امهات المدن» (*уммахат* (мн.ч.) *аль-мудун*) – главные, основные города; «ام القرى» (*умм алькуура*) – «Мать городов», главный город – эпитет г. Мекки. В скобках можно указать на то, что очень часто мы наблюдаем сходство ментального восприятия некоторых явлений в арабском и русском языках. Ведь и у нас есть выражение «Мать городов русских», когда речь идёт о Киеве. При этом значение выражения абсолютно идентично арабскому. Данное выражение «пошло в народ» с лёгкой руки князя Олега, что было зафиксировано в Повести временных лет в 882 г. и ряде других произведениях [8].

Но вернёмся к арабскому языку и продолжим рассматривать использование лексемы *умм* в различных оборотах. Например, «بام عينه» (*би-умм айнихи*) – собственными глазами (дословно: основной частью глаза, то есть зрачком). Арабы говорят «اللغة الام» (*ал-люгату ль-умм*) или «لغة الام» (*люгату ль-умм*) – родной язык, язык, на котором говорят дома, на котором говорит, в первую очередь, мать [1, 42].

В приведённых выше примерах, указанных Х.К. Барановым в словарных статьях, пытливому читателю сразу становится понятным система взаимоотношений в арабской семье. Отец – глава, хозяин, обладатель властных полномочий и непререкаемый авторитет. Мать – главный человек, с которым ребёнок взаимодействует с первых дней жизни. Мать заботится о ребёнке, помогает ему делать первые шаги в жизни. Она первая прививает ему главные правила и принципы поведения в обществе, духовные ценности и этические нормы. Таким образом, мать является первоисточником и основой формирования личности ребёнка. Часто на женской половине дома дети (и девочки, и мальчики) проводят семь лет, как минимум. В данном случае речь идёт именно о мальчиках, потому что девочки там находятся постоянно. В подтвер-

ждение этого положения могу привести пример из жизни. В 2010 году автору довелось быть на традиционной свадьбе в ОАЭ, где, в соответствии с мусульманскими традициями, мужчины и женщины отмечали торжество раздельно. На мужской половине, естественно, были одни мужчины, молодые и старые, но не было детей. Все дети (и девочки, и мальчики), как минимум до десяти лет, находились в помещении, отведённом для женщин.

Если продолжить «родственную» тему, которая достаточно представлена в словаре, с точки зрения образности оборотов, то, безусловно, следует остановиться на таких лексемах, как «ابن» - *ибн* (сын) и «بنت» - *бинт* (дочь). Сын – это «порождение» двух людей, отца и матери. И это не только в физическом смысле. В нём находят отражения те качества, те ценности, те нормы поведения, которыми отличаются его родители и которые превалируют в семейном укладе. Когда говорят, что «هو ابن ابيه» (*хува ибн абихи*), это значит, что «он весь в отца». В русском языке есть такое же понятие. Причём ясно, что речь не идёт о вопросе законнорождённости. Здесь внимание уделяется морально-нравственным, деловым и другим качествам человека. Мы находим подтверждение такому пониманию приведённого выражения в арабских пословицах и поговорках, некоторые из которых также отмечены в словаре Х.К.Баранова: «الولد سرّ ابيه» (*Аль-ўалад сирр абих*) – «Сын весь в отца», «Ребёнок – душа отца» [1, 353]. Более чётко и понятно эту мысль доносит такое выражение: «هذا الشبل من ذاك الأسد» (*Хаза ш-шибл мин заак аль-асад*) – «Этот львенок от того льва» [6, 83]. А вот словосочетание «ابن حرام» (*ибн харам*) – «сын, порождение греха», как раз указывает, в первую очередь, на то, что человек родился вне законного брака. А это часто ассоциируется с тем, что такой человек не может быть порядочным, законопослушным, высоконравственным. Поэтому часто данный оборот применяется

к людям бесчестным, наглым, а также как показатель крайнего возмущения взрослых по поводу плохого поведения или непослушания вполне законнорождённых детей.

Если исходить из положения, что слово «сын» означает «порождение» кого-либо или чего-либо и несёт на себе отпечаток основных качеств того, кто его породил, то оборот «ابن المدينة او ابن البلد» (*ибн аль-мадина* или *ибн аль-баляд*) – «сын города»; горожанин, говорит о том, что человеку свойственны именно качества городского жителя. Точно также можно объяснить оборот «ابن عرب» (*ибн араб*) – «сын арабов», то есть араб, человек, который обладает качествами, свойственными представителям этого народа. «ابن مصر» (*ибн миср*) – «сын Египта»; египтянин. В данном случае это не столько указание на гражданство, сколько отражение своеобразия духа, самобытности жителей этой страны. Выражение «ابن اليوم في...» (*ибн аль-яум фи...*) – «сын сегодняшнего дня»; новичок в чём-либо, свидетельствует о том, что человек начал заниматься каким-либо делом недавно. У него нет опыта, он не обладает апробированными ранее знаниями и умениями [1, 87].

Слово «дочь» также участвует в образовании фразеологизмов. Например, словосочетание «بنت العنب» (*бинт аль-инаб*) – «дочь виноградной грозди» – означает «вино», а «بنت اليمن» (*бинт аль-йаман*) – «дочь Йемена» – кофе; «بنت العين» (*бинт аль-айн*) – «слеза» и так далее. Вместе с тем оборот «بنات الدهر» (*банат ад-дахр*) означает «несчастья», а «بنات الصدر» (*банат ас-садр*) – «заботы» [1, 88]. Казалось бы, почему такие противоположные значения? С одной стороны, слово *бинт* (девочка, дочь) в этих оборотах означает что-то приятное (кофе, вино) или трогательное (слеза). С другой, – оно связано с тревогой и опасностью. Снова обратившись к арабскому фольклору, мы находим пословицу, которая гласит: «بنت بلبيت ولا أشريطه ع الحيط» (*Бинт би-ль-бейт ўа-лаа*

шрайта 'а-ль-хейт) – «Лучше девочки в доме, чем трещины на стене» [5, 153]. Или: «*بنت مليحه ولا ولد فضيحه*» (*Бинт млииха ўа-лаа ўалад фадшиха*) – «Красивая дочь лучше беспутного сына» [5, 154]. И хотя в данных пословицах мы чувствуем «привкус» снисходительности по отношению к девочкам, но сам факт того, что они оказываются на «светлой стороне», на стороне добра, может указывать на то, что хлопоты, связанные с дочерьми, больше вызывают положительные эмоции. Тогда закономерно возникает вопрос: «А причём здесь беды и заботы?» И на него мы находим ответ в арабских пословицах и поговорках. «*إللي عنده بنات عنده ألهم*» («*بالجففات*») (*Илли 'инду банаат 'инду ль-хамм би-ль-джафнаат*) – «У кого дочери, тот не дремлет» (досл.: «У кого дочери, у того забота в веках глаз») [3, 19]. То есть, отцы и матери девочек должны быть всегда начеку, потому что: «*إلبنات المليحه فضيحه*» (*Иль-бинт иль млииха фадшиха*) – «Дочь-красавица – до скандала недалеко» [5, 155]. Имеется в виду, что красивые девушки часто доставляют родителям беспокойство и создают дополнительные трудности, так как надо их оберегать от различных соблазнов и плохих людей.

Продолжая тему «родственников» в образной системе арабов, то похожие, однородные вещи сопровождаются словами «*اخ*» - *ах* (брат) или «*اخت*» - *ухт* (сестра). В словаре Баранова приводится такой пример: «*اخذ السجارة واعطاني اختها*» (*Ахаза с-сиджара ва-аатани ухтаха*) – «Он взял себе папиросу и **такую же** дал мне» [1, 28]. Другой пример со словом *брат*: «*اخو النوم*» - (*аху н-наум*) – «смерть» [1, 27]. Дословно переводится как «брат сна». Следует отметить, что данный оборот приводится в статье, в которой слово «брат» имеет переносное значение – «брат по духу, по вере». Таким образом, мы чувствуем, как тонко арабы передают смысловые нюансы. Ведь в первом примере речь идёт об абсолютно идентичных вещах – о двух одинаковых, «единоутробных» сигаретах.

Во втором примере «смерть» и «сон», конечно же, не одно и то же. Но тот факт, что человек во время сна как бы перестаёт существовать в настоящем времени, «отключается» от действительности, словно он умер, роднит сон со смертью. Достаточно вспомнить многочисленные истории про летаргический сон. Да и в русском языке мы используем выражения «вечный сон», «спи спокойно, дорогой друг», когда речь идёт об усопшем.

Такое же «братство по духу» с использованием слова «брат» мы встречаем в сферах немного неожиданных. Например, в арабской грамматике. Так в одном из учебников арабской грамматики разделы, в которых объясняется одинаковое влияние одних грамматических форм на другие, например, глагола «كان» – *кана* (быть) и ему подобных или частицы «إنّ» – *инна* (действительно) и аналогичных ей, названы так: «كان واخوانها» – *канна ва-ихвануха* (Глагол «быть» и ему подобные) и «ان واخوانها» – *инна ва-ихвануха* (Частица «действительно» и ей подобные) [4, 63, 70].

Можно, конечно, продолжить «семейную» тему фразеологических оборотов и идиом, длинный ряд которых представлен в словаре Х.К.Баранова. Однако хотелось бы показать, что не только эти выражения подтверждаются пословицами или живут и используются в обыденной речи, а также широко применяют в литературных произведениях. Так, в романе ливанского писателя и публициста Жоржа Ханны¹ «Жрецы храма» (1952) один из персонажей, возмущаясь, что правительство готово тратить огромные деньги на отправку делегаций на всевозмож-

¹ ХАННА Жорж (1891-1969), арабский писатель (Ливан). Сборники публицистики: «Действительность арабского мира» (1952); «Путешествие в новый мир» (1951) — об СССР. Реалистические романы «Жрецы храма» (1952), «Два года» (1960). Мемуары. [<http://wikipedia-info.ru/tag/xanna-wiki/>]

ные конгрессы и при этом не обращает внимания на ситуацию внутри страны, говорит: «...Государственная казна необыкновенно щедра (досл.: щедрее Хатима Тайи²) к подобным делегациям, а дела страны отданы на Божью милость» [7, 46]. В словаре Баранова приводится аналогичное выражение. Единственное различие между словарным и книжным выражениями заключается в выборе лексемы, обозначающей понятие «щедрее». В книге Жоржа Ханна используется слово «اکرم» – *акрам* (великодушнее), а в словаре – «اجود» - *аджвад* (щедрее) [1, 155], но сути дела это не меняет. И то, и другое качество были неотъемлемыми чертами характера настоящего араба-бедуина и не утратили своего значения по сей день.

Возьмём другой пример. В словаре отдельной строкой приводится прилагательное женского рода превосходной степени «حسنى» – *хусна* (наилучшая; прекраснейшая) [1,174]. Баранов Х.К. объясняет, что это слово используется в сочетании «الاسماء الحسنی» – *аль-асма аль-хусна* (прекрасные имена, то есть 99 эпитетов Аллаха). Вместе с тем он даёт другое значение этого слова – *благо, доброе дело, добро*, приводя иное использование лексемы: «بالحسنى» – *би-ль-хусна* (по-хорошему, любовно). И вот в романе Жоржа Ханна мы встречаем это выражение в эпизоде, в котором говорится о разгоне демонстрации рабочих: «Некоторые полицейские проявляли мягкость к демонстрантам, по-хорошему (*би-ль-хусна*) увещевая их и раздавая обещания. Другие были жестоки и награждали людей ударами дубинок...» [7, 61].

² *Хатим Тайя* (605 г.) – доисламский поэт, прославившийся своей смелостью, щедростью и гостеприимством. По некоторым свидетельствам, он даже выставлял еду волкам, которые бродили вокруг становища, чтобы ни одно живое существо не оставалось голодным.

Другое любопытное выражение мы находим в книге этого же ливанского писателя. Описывая одного из героев повести, знакомый этого героя даёт ему такую характеристику: «Ассам отличается от других чиновников умом и хитростью. Он *большой дока* в этих делах и *знает с какого конца к ним подойти* (досл.: «Он знает откуда едят баранью лопатку» – «هو يعرف من اين تؤكل كل الكتف» – *Хува яарифу мин айна туакаль кул аль-катф*)» [7, 65]. У Харлампия Карповича мы находим это выражение в двух смыслах. Один оборот соответствует по своему значению с приведённым примером, а второй с небольшим добавлением означает «Показать, где раки зимуют» – «علمه من اين تؤكل الكتف» – *Аллямаху мин айна туакаль кул аль-катф* [1, 677]. Таким образом, словарь Баранова на конкретных фразеологических примерах показывает глубину, образность и оригинальность арабского восприятия действительности.

Ещё одно выражение, упомянутое в словаре и бытующее в обычной речи, может быть использовано во многих ситуациях. Мы часто говорим: «Эта новость *взбудоражила* СМИ, общество и т.д.». Такое высказывание можно найти как в повести Жоржа Ханна, так и в словаре Баранова Х.К. В повести один из главных героев говорит: «Ребята ждут моего сигнала, чтобы «всех поставить на уши» («ليقيموا الارض ويقعدوها») – *ли йукиму ль-ард ва-йукидуха*)» [7, 73]. В Барановском словаре мы находим выражение: «أقام الدنيا واقعدها» – *акама д-дунья ва-акадаха* (всполошить, взбудоражить мир). Дословно этот оборот означает «*построит мир и низложит его*» [1, 666].

В завершении хотелось бы привести ещё одно образное высказывание. В повести «Жрецы храма» старая женщина успокаивает юношу, которого вместе с его девушкой преследует полиция: «Не переживай. У меня вы оба будете *недосягаемы* («في حرز جريز» – *фи хирз хариз* – (досл.: как в неприступной крепости))» [7, 87]. Эти же слова с тем же смыслом

мы находим и у Харлампия Карповича. Но помимо этого он даёт и другое значение данного оборота: «быть настороже» [1,165]. Как и в других примерах, в объяснении данного выражения Харлампий Карпович тщательно и внимательно подходил к глубинному смыслу входящих в него лексических единиц, чтобы каждому стали ясны образность и самобытность арабского языка и арабского мышления.

Безусловно, в ограниченных рамках статьи трудно представить весь масштаб проделанной Харлампием Карповичем работы по заявленной теме. Но автор надеется, что даже то немногое, что было показано, поможет тем, кто хочет понять «загадочную арабскую душу», более внимательно читать и изучать словарные статьи при пользовании Арабско-русским словарём, составленным замечательным русским, советским учёным-востоковедом Харлампием Карповичем Барановым, и который может служить неиссякаемым источником арабской фразеологии и образности мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов. – 5-е изд., стереотип. /Х.К.Баранов. – М.: Изд. Русский язык, 1976. – 944с.
2. Крачковский И.Ю. Из предисловия к 1-му изданию// Арабско-русский словарь/ Сост.: Баранов Х.К. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1957. – 1187 с.
3. Ливийские народные пословицы и поговорки (На ливийском диалекте арабского языка). /Сост. Ю.Н. Кудрявцев. – М.: МГИМО, 1988. – 37с.
4. Али ль-Джарим, Мустафа Амин. Ан-нахв аль-вадых фи каваид ал-люга ль-арабия. Ли-мударис аль-мархаля ль-уля [Ясные правила грамматики арабского языка. Пособие для учащихся начального уровня]. Б.м.: Ан-нахв аль-вадых, 1983. – 431.
5. аль-Амд, Хани. Аль-амсаль аш-шаабия аль-урдунийя [Иорданские народные пословицы]. Жамаа ува тасниф / Хани аль-Амд. – Амман: Увизарату с-сакафа ува ш-шабаб, 1978. - 722 с.

6. Сыни, Махмуд Исмаил. Муаджам аль-амсаль аль-арабийя [Сборник арабских пословиц] / Махмуд Исмаил Сыни, Насыф Мустафа Абделаиз, Мустафа Ахмад Сулейман. – Бейрут: Мактаба Любнан, 1992. – 181 с.
7. Ханна, Жорж. Куххан аль-хейкаль [Жрецы храма]. Ат-табаа ас-санийя. Бейрут: Дар аль-илм ли-ль-маляин, 1953. – 175 с.
8. Мать городов русских [Электронный ресурс] / Режим доступа:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Мать_городов_русских